

Л. ЛАГИН

Л. ЛАГИН

Голубой человек

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

Лагин, Лазарь Иосифович.

Л14 Голубой человек : [роман] / Лазарь Иосифович Лагин. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 350 [2] с.

ISBN 978-5-17-173023-9 (С.: «Русская классика»)
Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Фантастический роман «Голубой человек» Лазарь Лагин писал долгих семь лет, с 1957 по 1964 год. В него автор вложил свои представления и мечты об образцовом советском человеке. Главный герой Юра Антошин, студент Энергетического института и убежденный социалист, случайным образом перемещается из 1959 в 1893 год и, погрузившись в быт и культуру царской России конца XIX века, убеждается в правоте своих взглядов и создает подпольный коммунистический кружок. «Голубой человек» в представлении писателя — идеалист и революционер, который способен «заглядывать повыше своего личного благополучия».

Книга издается впервые с 1993 года.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лагин Л. И., насл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ВСТУПЛЕНИЕ

Тем, кому по роду их деятельности или из любопытства приходилось иметь дело с комплектами газет конца прошлого столетия, возможно, попалась на глаза в одной из московских газет за август 1894 года заметка следующего содержания:

«Вчера в седьмом часу вечера при следовании в Центральную пересыльную тюрьму бежал из-под стражи крестьянин Можайского уезда Антошин Егор, осужденный к трем с половиной годам арестантских рот. Следуя по площади Страстного монастыря, он неожиданно швырнул в глаза конвойным солдатам две пригоршни махорки. Тем самым временно ослепив конвой, Антошин кинулся налево, на Большую Бронную улицу. Ему попытался преградить путь проходивший поблизости крестьянин Дмитровского уезда Терентьев Александр. Разбив Терентьеву в кровь лицо и свалив его с ног, Антошин вбежал в ворота домовладения жены коллежского советника Екатерины Петровны Филимоновой, в каковом он некоторое время проживал в январе сего года, где и пропал бесследно. Все меры к поимке столь дерзко бежавшего преступника, принятые силами полицейских чинов 2-го участка Арбатской части, а также прибывших вскоре на место происшествия агентов сыскальной полиции, ни к чему не привели. Поиски продолжаются».

Чтобы рассказать о том, как и за что был арестован, а спустя некоторое время, в августе 1894 года, осужден судом Российской империи Егор (Георгий) Антошин, нам нужно вернуться к тому, что с ним случилось восемь месяцами раньше, в ночь на 14 января 1959 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жизнь Юры (Георгия) Антошина сложилась не очень счастливо.

Отец его, Василий Лукич, работавший сменным мастером на одном из московских предприятий, погиб в рядах народного ополчения на третьем месяце войны. Он так и не узнал, что его семья, которой он упорно, не рассчитывая на скорый ответ, слал каждые два дня письма, давно уже эвакуировалась в далекий и холодный Верхнеуральск. В начале сорок третьего года простудилась в очереди за керосином и умерла от воспаления легких его вдова, которая и мысли не допускала, что она вдова. Василий Лукич вместе с несколькими другими разведчиками числился пропавшим без вести. Она была уверена, что Василий Лукич, попав в окружение, пристал к партизанам.

Двоих младших — Юру и Олю — устроили в детский дом. Старший — Валерий — в звании лейтенанта воевал тогда где-то под Новороссийском. Он стал кадровым военным, окончил впоследствии Военную академию имени Фрунзе и к тому времени, когда с его младшим братом приключились удивительные события, послужившие предметом нашего повествования, командовал полком на Дальнем Востоке.

О младших детях Василия Лукича заботу взял на себя завод, которому он отдал почти двадцать лет своей жизни. Ребят перевели с Урала в подшефный заводу подмосков-

ный детский дом. На праздники и ко дню рождения им привозили подарки от завкома и заводской комсомольской организации. Затем им помогли получить неплохую комнату в новом доме взамен их старой квартиры, которую разбомбило еще в одну из первых бомбежек. На двоих ее вполне хватало. Но Оля вскоре вышла замуж и родила дочь Катьку, которая при всех ее несомненных достоинствах обладала и всеми недостатками, свойственными гражданам ее возраста. И стали они проживать уже четвером (Оля с мужем-инженером и Катькой и Юра) в одной комнате в ожидании того заветного дня, когда Юре наконец предоставят давно обещанную отдельную жилплощадь. Кто знает, как обернулись бы события, если бы Юра к 13 января 1959 года проживал отдельно от сестры.

Но своей комнаты у Антошина тогда еще не было, и вечером 13 января он по этой причине пережил уйму неприятностей, поссорился с Ольгой, разругался с Галкой Бредихиной — словом, наделал немало глупостей, которые в конечном счете привели его спустя несколько часов к переживаниям и приключениям поистине удивительным и необычайным.

А началось все с того, что Оля назначила на этот вечер заседание своего фабричного комитета комсомола, никак не подозревая, что этот вечер у Юры занят. Он должен был идти с Галкой на встречу старого Нового года.

Вообще говоря, он всегда был принципиально против того, чтобы отмечать старый Новый год. Он видел в этом некую уступку религиозной идеологии и никогда до этого в подобных встречах не участвовал. Но в ночь на 1 января Галка дежурила: она работала диспетчером в таксомоторном парке. Поэтому они уговорились (это было ее предложение) встретить старый Новый год втроем с одной из задушевнейших Галкиных подруг, которая ради Галкиного счастья согласилась поскучать в обществе двух влюбленных, которым было бы не до нее. Этот вечер должен был очень многое и на долгие годы решить в отношениях между Антошиным и Галкой, и ее подруга собиралась

как можно больше времени провести на кухне, чтобы дать им наговориться вдоволь.

И вот оказалось, что как раз на этот вечер Ольга назначила свое заседание и уже не могла его отменить. А так как Игорь, ее муж и Катькин отец, тоже был диспетчером (везло Антошину на диспетчеров!), только не в таксомоторном парке, а в МОГЭСе, и по роковому стечению обстоятельств как раз именно в эту ночь дежурил, то Антошину было предложено остаться с Катькой.

Разразился скандал штормовой силы. Юра сказал, что он не домашняя работница и не нянька, и что ему осточертело возиться с Катькой (что было сущей неправдой, ибо жили они с Катькой душа в душу), и что нечего назначать заседания комитета, не согласовав с ним. Подумаешь, какой международный симпозиум! Уже и отменить нельзя.

Оля надменно ответила, что согласовывать заседания комитета комсомола у нее есть с кем помимо товарища Антошина.

На это товарищ Антошин сказал — пусть они тогда и возьмется с Катькой, те, с которыми она считает нужным согласовывать, а у него сегодня важнейшее, можно сказать, историческое свидание с Галиной.

Тогда Оля, не моргнув глазом, заметила, что его Галка, если он хочет знать, обыкновеннейшая вертихвостка и рада за кого бы то ни было выскочить замуж, даже за такую образину, как ее ненаглядный Юрочка. И это тоже было сущей неправдой, потому что Галка была не такая уж вертихвостка, а Юра был совсем не образина. Правда, он был несколько излишне сухощав, но плечи у него были дай бог каждому, и серые глаза тоже, и волосы у него были красивые, темно-русые, густые и мягкие.

— Ах, так! Значит, вот какой разговор! — вскричал он, хлопнул дверью и был таков.

Но, выскочив на улицу, он все же почти сразу сообразил, что оставил сестру в безвыходном положении.

Он позвонил Галке из автомата, объяснил создавшуюся обстановку и предложил встретиться не в семь, а в де-

сять — пол-одиннадцатого. Он ручался, что к этому времени Ольга безусловно вернется с фабрики, а Катька уже давно будет спать.

Что бы Галине согласиться? Но она по вполне понятной причине весь этот день ужасно нервничала и не придумала ничего умней, как устроить ему по телефону небольшую сцену. Она сказала, что у него всегда так, что он якобы всегда все откладывает. И встречу Нового года, и получение комнаты...

Это он откладывает получение комнаты?! Он, который дня не пропускает, чтобы не напомнить об этом председателю завкома, начальнику цеха или секретарю парткома! Он, который уже уважать себя перестал за свою назойливость!..

Антошин чуть не задохся от этого несправедливого обвинения.

— А то нет?.. Конечно, откладываешь, — повторила сквозь слезы Галка, отдавая себе отчет в чудовищной несправедливости своих обвинений. — Палец о палец ударить не хочешь... (Это он палец о палец ударить не хочет?!) ...Привык на всем готовеньком... (Это он привык на всем готовеньком?!) ...Историк-марксист на мою голову!..

Это было уже свыше Юриных сил. Он с треском повесил трубку, тут же раскаялся, опустил новый пятиалтынный, но в ответ услышал высокие и частые гудки. Теперь надо было запастись терпением: дозвониться в диспетчерскую по городскому телефону, да еще в часы «пик», — дело не скорое и трудоемкое. А у автомата успел тем временем вырасти немалый хвост. Ничего не оставалось, как встать в затылок последнему и покорно ждать очереди.

II

Пока Антошин будет дожидаться своей очереди, у нас вполне хватит времени для того, чтобы сделать отступление, не очень пространное, но в высшей степени необходимое. Нам нужно объяснить, почему Галина Бредихина

с таким сарказмом бросила в лицо Антошину достойное уважения звание «историк-марксист», и заодно познакомить читателя с Александрой Степановной Беклемишевой.

Тем, кто в погоне за стремительно развивающимися событиями перелистывает, а то и пропустит эту главу, лучше и вовсе не читать нашего романа. Первым делом потому, что меньше всего он рассчитан на любителей остросюжетной литературы. А главное, потому, что без того, что мы скажем в ней о Беклемишевой и ее детдомовском кружке, многое, и самое удивительное, в последующих и особенно заключительных главах останется попросту не замеченным чересчур торопливым читателем.

Итак, об Александре Степановне. Недавно ей пошел семьдесят шестой год. Значит, к началу войны, когда она директорствовала на заводе, с которого ушел в ополчение отец Юры Антошина, ей было пятьдесят пять. Промакадемию она окончила в 1935-м. В партию вступила восемнадцати лет. Она тогда пятый год работала швеей в «Модном заведении мадам Бычковой», что в Казенном переулке, и, кроме хорошего вкуса, вынесла из этого страшноватого храма дамского платья здоровый заряд классовой ненависти и великолепное презрение к дамочкам, у которых мозги забиты тряпками.

Поджарая, по-девичьи стройная в свои семьдесят пять лет, в неизменной английской блузе и черной юбке, живая, остроумная, очень неглупая и совсем не злая, она в случае необходимости могла быть весьма ядовитой собеседницей, а в споре оставалась такой же осторожной, но опасной и беспощадной, как в молодые ее подпольные годы. Покойный Сергей Аполлонович, с которым они познакомились и поженились в горькие и нищие годы парижской эмиграции, говаривал, что его Александра Степановна действует на господ меньшевиков, как мышьяк на крыс. Сначала они проглотят ее слова и даже облизнутся, но моментально вслед за этим их начинает корчить в страшных судорогах.

Они прожили с Сергеем Аполлоновичем душу в душу

всю эмиграцию, вернулись в семнадцатом году в Москву с двумя тощими чемоданами, отличным знанием французского языка и пятилетним сынишкой, которого так же, как и Антошина, звали Юрой.

В марте двадцатого года Юра умер от сыпняка.

Письмо из детского дома с извещением о его смерти Александра Степановна получила полутора месяцами позже, на Западном фронте, где она тогда воевала в должности комиссара корпуса.

А Сергей Аполлонович погиб в ноябре того же года от белоказачьей пули уже по ту сторону Турецкого вала, и с тех пор Александра Степановна жила одна.

Она слыла толковым директором, но не без странностей. Так, по крайней мере, считали многие директора соседних предприятий, работники министерства и даже райкома партии. Кое-кто из них снисходительно посмеивался над «чужацествами старухи Беклемишевой», усматривая в них этакое партдонкихотство, старозаветный демократизм и тому подобные более или менее милые, но неумные и, главное, непрактичные пережитки далекого партийного прошлого. Считалось, что это чисто возрастное. Другие расценивали странности в поведении Александры Степановны как дешевую демагогию, нездоровое заигрывание с отсталыми и даже уравнилельскими настроениями рабочего класса, и это их настораживало.

Рабочим ее странности были по душе. Они ее уважали и любили.

Осенью пятидесятого года она выкинула еще один демагогический трюк: старой коммунистке со стажем дай бог каждому, директору крупного предприятия, депутату Верховного Совета, члену бюро райкома и т. д. и т. п. вдруг ни с того ни с сего загорелось руководить политкружком в подшефном детском доме.

Ее пробовали отговаривать, предлагали ей взять семинар пропагандистов, а кружок в детдоме оставить для комсомольских нагузков, но Александра Степановна, как она сама выразилась, «стояла насмерть».

«Чудит старуха, — махнули на нее рукой в отделе пропаганды и агитации. — Из ума выживает... В ее годы другие уже давно на пенсии».

Первым делом детдомовцы немедленно дали ей прозвище. Ее прозвали «Беспалой», потому что у нее не хватало полфаланги на указательном пальце левой руки. Неведомо откуда сразу прошел слух, будто это от казачьей шашки. Будто шла Беспалая в девятьсот пятом году на демонстрации с красным флагом в руке и ей тогда шашкой отхватили кусок пальца. Другие клялись, что испортили ей палец на гражданской войне в белогвардейской контрразведке, третьи — что на царской каторге. Не постеснялись, спросили у Александры Степановны. Она рассмеялась. Оказывается, ничего романтического: колола еще девчонкой лучину, самовар разжигать, и оттяпала себе сдуру острым ножиком.

Конечно, это несколько разочаровало кружковцев, но в общем Александра Степановна пришлась им ко двору: старая большевичка, участвовала в гражданской войне, была знакома с Лениным и Свердловым. И ко всему прочему свойский и веселый человек. Нисколько не задается.

У ребят был кой-какой опыт по части кружководов. Александра Степановна была у них уже третьей. Двоих предыдущих они выжили. Да, выжили, но без всякого хулиганства или озорства. На высоком теоретическом уровне. Уж больно они были серы и скучны, эти руководители, которые только и умели, что талдычить нетвердо заученные формулировки из Краткого курса. Ребята доняли их вопросами. Нет, не посторонними. Все в пределах изучаемого раздела программы кружка. Но чтобы ответить на эти вопросы, надо было читать кое-что и помимо Краткого курса. И для того чтобы задать эти вопросы, — тоже. Что ж, игра стоила свеч. Ради удовольствия посадить в калошу постылого, сухого, как пустыня, кружковеда активисты кружка просиживали немало часов в местной библиотеке.

Они были безжалостны, но справедливы. Им доставляло удовольствие наблюдать, как беспомощно барахтаются несчастные кружководы, пытаясь общими, ничего не говорящими фразами отбиться от точных, стремительных и всегда неожиданных атак. Больше трех-четырёх занятий выдержать было трудно, и руководители под более или менее благовидным предлогом вскоре подавали в отставку.

Самое забавное во всей этой жестокой ребячьей войне с начетнической серятиной было, что, сами того не замечая, они, в поисках тем для заковыристых вопросов, отлично усвоили достаточно обильный материал по истории революционного движения в России конца прошлого и самого начала текущего века. По Второй съезд включительно. Обычно кружководы сдавались после этой темы, а следующий начинал с начала.

К этому времени ребята вошли во вкус вопросов с подвохом.

На первом же занятии с Александрой Степановной Юра Антошин — главный заводила и признанный авторитет в области исторических наук — поднял руку.

— У нас тут с ребятами к вам вопрос, — сказал он, невинно глядя новой руководительнице прямо в глаза. — Сколько всего было частей в книге товарища Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

— Ого! — восхитилась Александра Степановна, глядя ему в глаза с еще более невинным выражением. — Неужто вы уже читали «Друзья народа»? Для вас вроде бы еще рановато.

— Это мы сами по себе пробовали, — объяснил Юра, прямо-таки пыща простодушием. — И мы теперь понимаем, что для нас это еще рановато. Но когда мы взяли книгу товарища Ленина, то ужасно удивились. Видим: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — выпуск первый, потом сразу третий. Спрашивается, а второй где?

Это был проверенный жизнью вопрос. Его отточили на обоих предшественниках Александры Степановны.

— Всем интересно? — спросила она. — А то если не всем, так я отвечу интересующимся после занятий.

— Всем! — закричали ребята с поразительным единодушием.

— Хорошо, — согласилась Александра Степановна с еще более поразительным, можно даже сказать, потрясающим непониманием истинной причины этой всеобщей заинтересованности, — всем так всем. Тем более что вопрос действительно очень интересный. Дело в том, что не только мне, но даже редакторам Собрания сочинений Владимира Ильича в точности неизвестно, был ли размножен второй выпуск этой очень важной ленинской работы. Имелись полицейские сведения, что он якобы выпущен в Москве. Но к моменту издания первого Собрания сочинений уже не было ни одного старого большевика, который знал бы что-нибудь о публикации второго выпуска. Вот вам, если хотите, увлекательнейшая тайна, прямо роман. Представьте себе: где-нибудь на чердаке, среди пыльных старых бумаг и никому не нужных книг, больше полувека лежит этот выпуск, которому с научной точки зрения цены нет... И вдруг кто-нибудь находит его... Какое это было бы событие, можете себе представить!.. Конечно, если этот человек хоть немного разбирается в истории партии...

Подобные романтические соображения никому, даже Юре, раньше просто в голову не приходили. Ребята мечтательно призадумались, и именно в этот момент Александра Степановна и нанесла удар.

— Ну как, — как бы между прочим обратилась она к Антошину, — правильно я ответила на твой вопрос?

И Юра, захваченный врасплох, брякнул «правильно», прежде чем до него дошел коварный подвох Александры Степановны.

Кто-то предательски прыснул в кулак, Юра покраснел по самые уши и весь напрягся в ожидании головной ушки, но Александра Степановна (в этот миг она сразу и окон-

чательно завоевала сердца кружковцев) продолжала как ни в чем не бывало:

— Ну что же, вот и отлично. И чем больше вопросов вы будете мне задавать, тем больше мне это будет по душе, потому что, значит, вам действительно интересно узнать побольше и поглубже.

Ребята и не подозревали, что на кружке может быть так интересно. Оказывается, Александра Степановна лично знала одного из участников знаменитой вечеринки в доме Залесской, когда молодой Владимир Ильич вступил в спор и разгромил самодовольного и высокомерного «В. В.» — теоретика народничества. Лично! С ума сойти!..

И снова Юра задал вопрос, на этот раз уже безо всякого подвоха. Ему действительно хотелось узнать, какова была дальнейшая судьба студента Давыдова.

— Какого Давыдова? — спросила несколько озадаченно Александра Степановна. — В партии было много Давыдовых.

Тогда Юра блеснул своей памятью. Он прочел наизусть донесение начальника Московского охранного отделения:

— «Агентуре известно, что студент Юрьевского университета Иосиф Давыдов с увлечением дебатировал девятого числа сего месяца на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечеринке в доме Залесской, что на углу Воздвиженки и Арбатской площади. Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель «В. В.» (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего взял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту задачу с полным знанием дела».

— Ну и память у тебя, друг любезный! — сказала Александра Степановна с искренним восхищением, — Можно только позавидовать.

Ребята чуть не лопнули от гордости за Юру.